

Философскіе взгляды В. Я. Цингера¹⁾.

Мм. Гг.! Я хотѣлъ бы высказать нѣсколько замѣчаній о той сторонѣ дѣятельности покойнаго В. Я. Цингера, которая далеко выходила за предѣлы его обычныхъ специальныхъ занятій, и которая тѣмъ не менѣе представляется мнѣ чрезвычайно важною для характеристики его удивительно даровитой личности. В. Я. Цингеръ не только былъ замѣчательнымъ математикомъ, вмѣстѣ съ этимъ онъ является однимъ изъ очень талантливыхъ и оригинальныхъ русскихъ философовъ. Немногія статьи его, посвященныя философскимъ вопросамъ, всегда отличаются ясностью основныхъ воззрѣній ихъ автора и своеобразною глубиною его выводовъ. Съ его взглядами можно не соглашаться, но и самый суровый критикъ долженъ отдать справедливость серьезной продуманности и независимой твердости его философскихъ убѣжденій. Однако, при оцѣнкѣ философскихъ работъ В. Я. Цингера нельзя ограничиться только внутренними достоинствами ихъ содержанія: по крайней мѣрѣ, первая изъ нихъ, озаглавленная „Точныя науки и позитивизмъ“ и напечатанная въ Университетскомъ Отчетѣ 1874 года, была крупнымъ общественнымъ событіемъ. Въ ней онъ подвергаетъ беспощадному анализу теоріи корифеевъ позитивистическаго движенія Огюста Конта и Джона Стюарта Милля и дѣлаеть это въ то время, когда ихъ имена въ глазахъ образованной публики были окружены ореолами непоколебимаго фило-

¹⁾ Читано въ торжественномъ засѣданіи Математическаго Общества, 4 апр. 1908 г., посвященномъ памяти В. Я. Цингера.

софскаго авторитета. Въ наши дни значеніе этихъ классиковъ позитивизма замѣтно поблѣднѣло; имена Канта, Ницше, Когена, Маха, Авенариуса, Риккерта, конечно, ближе сердцу современнаго читателя. Но въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Кантъ и Милль пользовались болѣе широкимъ и безспорнымъ признаніемъ, чѣмъ любой изъ современныхъ кумировъ философской мысли. Теперь поклонники Когена не хотятъ считаться съ выводами Маха и Авенариуса, а послѣдователи эмпириокритицизма нисколько не признаютъ для себя обязательными ученія Канта, Когена или Виндельбанда; авторитеты въ философіи есть и въ наше время и ими даже очень увлекаются, но они, такъ сказать, раздробились. Напротивъ, тогда было гораздо больше еднородушія: на почвѣ позитивизма сходились почти всѣ, кто интересовался общими вопросами философіи и науки. И вотъ въ самый разгаръ этой общей вѣры въ позитивную философію В. Я. Цингеръ выступилъ съ рѣшительной критикой самыхъ ея основъ. Чтобы сдѣлать такой шагъ, надо было имѣть не мало нравственнаго мужества: открыто разрывая съ общепринятыми оцѣнками, В. Я. Цингеръ долженъ былъ себя чувствовать одинокимъ. Антипозитивистическое движеніе въ Россіи только зарождалось: Вл. С. Соловьевъ только начиналъ печатать свой „Кризисъ западной философіи“; Б. Н. Чичеринъ еще всецѣло былъ погруженъ въ свою „Исторію политическихъ ученій“. У В. Я. Цингера не было союзниковъ, на которыхъ онъ могъ бы опереться. И тѣмъ не менѣе онъ повелъ нападеніе со всею прямою своего искренняго ума, не скрывая своихъ мыслей и не смягчая красокъ. Уже на первой страницѣ своей статьи „Точныя науки и позитивизмъ“ онъ называетъ позитивизмъ псевдо-философскимъ ученіемъ. Переходя къ Огюсту Канту, онъ про первые три тома его „Курса положительной философіи“, посвященные точнымъ наукамъ, говоритъ, что они наполнены „весьма плохимъ и невѣрнымъ изложеніемъ фактовъ изъ области математики, физики, химіи и физиологіи“¹⁾.

¹⁾ Стр. 44.

Онъ ставитъ Конту въ упрекъ его односторонность, самоувѣренность, узость и предвзятость его взглядовъ. Онъ говоритъ между прочимъ¹⁾: „Обзоръ математики у Конта представляетъ явленіе въ высшей степени странное: едва ли гдѣ-нибудь можно встрѣтить такую шаткость познаній и несостоятельность разсужденій; съ трудомъ вѣрится, чтобы это могло быть написано человѣкомъ, получившимъ основательное математическое образованіе... Всякій внимательный читатель придетъ къ убѣжденію, что этотъ обзоръ есть нѣчто фальшивое, недодуманное, но съ самоувѣренностью выдаваемое за результатъ глубокомысленныхъ философскихъ соображеній“. И эти обвиненія не остаются голословными: В. Я. Цингеръ подтверждаетъ свой приговоръ подробнымъ и тонкимъ разборомъ важнѣйшихъ пунктовъ ученія Конта о математикѣ и механикѣ²⁾.

Гораздо выше Конта ставитъ В. Я. Цингеръ его знаменитаго послѣдователя Дж. Ст. Милля. „Джонъ Ст. Милль,—говоритъ онъ³⁾,—принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ и самыхъ популярныхъ писателей нашего времени; иногда его считаютъ даже первымъ современнымъ мыслителемъ. Во всѣхъ многочисленныхъ сочиненіяхъ его вмѣстѣ съ обширнымъ образованіемъ и начитанностью обнаруживается блестящій полемическій талантъ и рѣзкое остроуміе“. Но онъ выдвигаетъ и недостатки Милля: разбросанность, бессистемность и тенденціозность его мысли; „онъ по природѣ—софистъ, опутывающій читателя и самого себя блестящею смѣсю фактовъ цитатъ и остроумныхъ оборотовъ“. Въ особенности несостоятельными кажутся В. Я. Цингеру воззрѣнія Милля на природу математическаго познанія и его эмпирическая теорія происхожденія математическихъ истинъ изъ индуктивныхъ обобщеній фактовъ опыта. Страницы, посвященныя критикѣ этой теоріи, могутъ считаться лучшими въ разсматриваемой статьѣ по образцу

1) Стр. 46—47.

2) Тамъ же, стр. 47—59.

3) Тамъ же, стр. 64—65.

вой ясности изложенія и принципиальной важности руководящихъ взглядовъ. Между прочимъ В. Я. Цингеръ съ особымъ вниманіемъ вскрываетъ элементарныя ошибки въ толкованіи Милля доказательства пятой теоремы Эвклида ¹⁾).

Я живо помню, какой потрясающій эффектъ произвела эта первая философская статья В. Я. Цингера на нѣкоторыхъ ея читателей, какъ много о ней спорили и какъ горячо обвиняли ея автора за рѣзкость его мнѣній. Что же вдохновило В. Я. Цингера на отважную борьбу съ столь признанными авторитетами? Несомнѣнно, его побуждали къ ней глубочайшія основы всего его міросозерцанія. Наперекоръ широкому господству односторонняго эмпиризма и матеріализма въ его время, онъ за всю свою долгую жизнь оставался убѣжденнымъ защитникомъ духовной сущности сознанія. Въ своей рѣчи на IX Съѣздѣ естествоиспытателей и врачей 1894 г., озаглавленной: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“, В. Я. Цингеръ говоритъ: „Послѣдователь эмпиризма уподобляется человѣку, который сталъ бы отрицать всякій смыслъ написаннаго или напечатаннаго на бумагѣ на томъ безспорномъ основаніи, что этого смысла нельзя открыть никакими микроскопическими изслѣдованіями бумаги и чернилъ“ ²⁾. Соотвѣтственно этому, онъ указываетъ два источника человѣческаго познанія: 1) непосредственное сознаніе разума о томъ содержаніи, которое дано въ немъ самомъ, и 2) чувственныя показанія внѣшняго опыта. Теоретическая цѣна этихъ двухъ источниковъ, по воззрѣнію В. Я. Цингера, весьма различна. „Чувственныя воспріятія съ принудительною силою удостоверяютъ насъ въ существованіи какого-то чуждаго намъ, загадочнаго и полнаго тайнъ матеріальнаго міра, постиженіе котораго составляетъ неисчерпаемую задачу и неотразимую привлекательность естествознанія. Но эти данныя чувственнаго опыта, именно вслѣдствіе ихъ чуждаго происхожденія и неустранимаго несовершенства доставляющихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 79—82.

²⁾ „Недоразумѣнія во взглядахъ“, стр. 5.

ихъ орудій, никогда не могутъ имѣть той безусловной достовѣрности и точности, какая свойственна идеальнымъ показаніямъ разума, на которыхъ зиждется, между прочимъ, и математическое познаніе“. По глубокому убѣжденію В. Я. Цингера, только науки, имѣющія характеръ умозрительный, какъ математика, способны обладать совершенною ясностью и непоколебимостью своихъ заключеній, будучи по своему содержанію насквозь проницаемы для нашего ума: въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ нашими собственными идеальными построеніями въ ихъ необходимо мыслимыхъ отношеніяхъ между собою. Напротивъ, предметы опыта доступны точному изслѣдованію лишь въ мѣру своего предварительнаго упрощенія, идеализаціи и обобщенія, т.-е. такихъ умственныхъ операций, которыя сближаютъ эти предметы съ объектами умозрительнаго знанія. Однако въ опытѣ всегда остается нѣкоторый элементъ, чуждый для нашего сознанія: лучшимъ тому доказательствомъ служить фактъ, что въ научномъ языкѣ нѣтъ понятія болѣе неяснаго и неопредѣлимаго, чѣмъ то, которое выражается словомъ „вещество“ или „матерія“. Съ другой стороны, даже такая точная наука, какъ механика, обладаетъ совершенною и апіористическою достовѣрностью только въ томъ своемъ отдѣлѣ, который изучаетъ движеніе и носитъ названіе кинематики: это объясняется глубокою связью этой части механики съ геометрией. „Кинематическія представленія такъ близки и сродны съ геометрическими, что очень часто для наглядности чисто-геометрическихъ изслѣдованій, мы невольно прибѣгаемъ къ представленіямъ перемѣщенія, измѣненія формы и т. п.“¹⁾ Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ динамическими законами механики: „мы можемъ съ одинаковою отчетливостью представить себѣ, что два движущіяся тѣла при столкновеніи совершенно свободно проникаютъ другъ друга, какъ и то, что они при этомъ раздробляются или какъ угодно видоизмѣняются“. Поэтому основные законы механики остаются

¹⁾ „Точныя науки и позитивизмъ“, стр. 89.

въ сущности недоказанными, а признанными произвольно. Такъ, законъ инерціи, очевидно, не можетъ быть вполнѣ доказанъ ни умозрительнымъ, ни опытнымъ путемъ. „Этотъ законъ выводится изъ соображеній, въ которыхъ дѣйствительныя показанія опыта рассматриваются въ предѣльной, недостижимой формѣ“. Никогда никакой опытъ не могъ рѣшить, чтобы движеніе приближалось къ равномерному безпредѣльно. „Можно даже сказать, что для большаго согласія съ опытомъ слѣдовало бы признать не законъ инерціи, а законъ убыванія скорости въ нѣкоторой, хотя бы и медленной, прогрессіи“. Вообще всякое опытное знаніе представляетъ очень сложное сплетеніе умозрительныхъ и чисто-опытныхъ элементовъ; но только его умозрительныя элементы доставляютъ его утвержденіямъ истинную необходимость и всеобщность. Поэтому умозрительнымъ началамъ всегда должно принадлежать первенство въ наукахъ ¹⁾.

Въ виду такого общаго взгляда, понятно отрицательное отношеніе В. Я. Цингера ко всѣмъ попыткамъ обосновать эмпирическое происхожденіе математическихъ аксіомъ. Не менѣе энергично возстаетъ онъ противъ мнѣнія, будто новыя математическія изслѣдованія въ области геометрической науки—Гаусса, Лобачевского, Римана, Гельмгольца и др.—совершенно подрываютъ достовѣрность общепринятой Эвклидовой геометріи. Онъ никакъ не отрицаетъ глубокой пользы подобныхъ изысканій: „ими, съ одной стороны, вызывается разработка новыхъ аналитическихъ приѣмовъ; съ другой стороны, полученные результаты находятъ примѣненіе въ разныхъ отдѣлахъ математики и въ свою очередь являются усовершенствованными орудіями изслѣдованія“ ²⁾. Но все же эти новыя математическія изысканія не только не измѣнили, но и не могли измѣнить прежнихъ основаній геометріи. Достовѣрность этихъ основаній опирается на такой критерій, отвергнувъ который, мы уничтожимъ вся-

¹⁾ „Недоразумѣнія во взглядахъ“, стр. 5, 6 и д.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

кую достовѣрность чего бы то ни было. Основанія геометріи вытекаютъ изъ очевидности,—изъ той очевидности, которая есть *само пространство*,—не какъ отвлеченное понятіе, но какъ живое, дѣятельное представленіе въ нашемъ умѣ. Въ этомъ представленіи мы имѣемъ дѣло съ простѣйшимъ умственнымъ актомъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни доказательствъ. Въ немъ выражается наша коренная способность воображенія или созерцанія (*Anschauung*), которую вѣрнѣе всего было бы называть *умозрѣніемъ*, если бы это слово не употреблялось въ иномъ значеніи. Эта способность не подчиняется никакимъ физическимъ законамъ,—она вполнѣ самобытна,—можно только говорить объ ея подчиненіи законамъ математическимъ, но и это лишь потому, что математическіе законы составляютъ ея существенную принадлежность и основное свойство. Мы можемъ мысленно устранить всѣ матеріальные предметы, но „тогда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ предстанетъ образъ безграничной, безконечной, непрерывной, повсюду и по всѣмъ направленіямъ однообразной пустоты,—того абсолютнаго пространства, который оказывается необходимою средою и вмѣстилищемъ всѣхъ внѣшнихъ явленій и всѣхъ нашихъ представленій, и который носитъ названіе пространства. Это есть чистое, никакимъ внѣшнимъ чувствамъ недоступное и отъ нихъ совершенно независящее представленіе, съ совершенною полнотою и ясностію открытое для нашего ума. Все, что мы вполнѣ отчетливо усматриваемъ въ пространствѣ, имѣетъ для насъ непосредственную достовѣрность и очевидность. Только благодаря представленію пространства, мы имѣемъ ясныя понятія о раздѣльности и непрерывности, о числѣ и величинѣ, о томъ, что есть цѣлое и что часть, что больше и что меньше и т. д. Какъ аксіомы геометріи, такъ и первыя положенія ариѳметики и анализа получаютъ характеръ безспорныхъ истинъ только чрезъ представленіе пространства“¹⁾. Но если такимъ образомъ въ основѣ всякой мате-

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

матической очевидности лежитъ очевидность нашихъ пространственныхъ созерцаній, то никакой абстрактный анализъ не можетъ измѣнить ихъ или подвергнуть сомнѣнію ихъ показанія: вѣдь въ послѣдней инстанціи онъ всегда самъ опирается на эти созерцанія.

Таковы взгляды, которые В. Я. Цингеръ постоянно проповѣдовалъ устно и въ печати, и которые дѣлаютъ его однимъ изъ чрезвычайно оригинальныхъ русскихъ послѣдователей философіи Канта, мало похожимъ на другихъ неокантистовъ современнаго типа. Для него интуиція пространства есть первоначальная функція разума, лежащая въ основѣ всѣхъ другихъ его функцій: безъ представленія о пространствѣ не можетъ возникнуть ни одно содержательное умственное дѣйствіе и ни одно изъ тѣхъ общихъ понятій, съ которыми постоянно обращается наша мысль. Поэтому роль пространственной интуиціи В. Я. Цингеръ понимаетъ нѣсколько шире, чѣмъ Кантъ: въ ея оцѣнкѣ онъ скорѣе сближается съ Фихте. У Канта пространство есть специфическая форма чувственнаго воспріятія явленій внѣшняго опыта; въ глазахъ В. Я. Цингера интуиція пространства коренится въ самосозерцаніи разума вообще и поэтому есть условіе всякаго умозрѣнія.

Съ этимъ тѣсно связана другая существенная особенность идей В. Я. Цингера сравнительно съ взглядами обыкновенныхъ кантіанцевъ: въ его міровоззрѣніи какъ бы совсѣмъ отпадаетъ свойственный кантовой философіи *иллюзионизмъ* и *феноменизмъ*. Съ точки зрѣнія Канта, пространство и время существуютъ только для человѣка и пространственный, и временный порядокъ явленій реализуются только въ человеческомъ чувственномъ воспріятіи; дѣйствительность вещей сама по себѣ совершенно имъ чужда. Напротивъ, В. Я. Цингеръ видѣлъ въ пространствѣ истинный корень разумности и необходимой законосообразности во всякомъ бытіи вообще: лишь пространствомъ вносятся непоколебимыя разумныя нормы въ жизнь міра. Въ этомъ отношеніи В. Я. Цингеръ, въ противоположность субъективному идеализму

Канта, является сторонникомъ объективнаго идеализма въ духѣ Шеллинга и Гегеля. Поэтому, съ другой стороны, наша способность умозрительнаго знанія пространственныхъ отношеній служить для него величайшимъ свидѣтельствомъ, не односторонне чувственной, а, наоборотъ, высшей, духовной природы человѣка. Только потому, что въ насъ живетъ частица всемірнаго разума, намъ насквозь пронизуемо ближайшее осуществленіе разума въ мірѣ.

Тѣмъ самымъ въ борьбу В. Я. Цингера съ крайностями эмпирическаго взгляда вносится моральный и даже религіозный мотивъ: В. Я. Цингеръ настаиваетъ, что эмпиризмъ унижаетъ достоинство человѣка, что онъ дѣлаетъ его рабомъ матеріи. Противъ выводовъ эмпиризма возмущается нравственное чувство, такъ какъ отрицаніемъ духовнаго бытія уничтожается единственная прочная опора этики. Наука и знаніе не должны быть рабами опыта. Вѣрно, что наука должна руководиться не матеріальными, а идеальными стремленіями; но еще вѣрнѣе то, что она основывается не на матеріальныхъ, а на идеальныхъ началахъ. Свѣточъ науки—идеаль истины. „Но наука есть только одна изъ сторонъ духовнаго бытія и жизни человѣка; тотъ же идеаль истины является съ другихъ сторонъ, то какъ идеаль красоты и гармоніи, то какъ идеаль добра и чести, правды и человѣколюбія; это одинъ и тотъ же идеаль, тотъ идеаль, передъ которымъ мы всѣ, безъ различія возрастовъ и положеній, безъ различія взглядовъ и убѣжденій, безъ различія заслугъ и талантовъ; благоговѣнно преклоняемся, какъ передъ идеалами божественной мудрости и любви“¹⁾.

Этими прочувствованными словами, въ которыхъ вылились самыя задушевные вѣрованія покойнаго В. Я. Цингера, оканчиваетъ онъ свою блестящую рѣчь о „Недоразумѣніяхъ во взглядахъ на основанія геометріи“.

Л. Лопатинъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.